

Н. И. ХРАПУНОВ

Рец. на: Калиновский В. В. «Древностей – и замечательных, и интересных, и красивых – непочатый уголок»: Церковное крымоведение (1837-1920). – Киев; Симферополь: Антиква, 2012. – 340 с., ил.

История науки, и в частности история изучения археологического и исторического наследия Крымского полуострова, в последние десять-пятнадцать лет стала популярной темой, к которой обращались А. А. Формозов [1], И. В. Тункина [2; 3], А. И. Романчук [4, с. 14-123; 5, с. 12-87], В. М. Зубарь [6], А. С. Смирнов [7], Ю. А. Виноградов [8], А. В. Шаманаев (большая часть его многочисленных статей доступна в электронном архиве Уральского федерального университета – <http://elag.urfu.ru>) и другие исследователи. Рецензируемая монография ставит своей целью освятить деятельность представителей церкви по изучению и охране памятников древности в Крыму, а также их взаимодействию со светскими научными учреждениями (с. 16-18).

Монографию открывает введение, написанное научным руководителем автора – А.А. Непомнящим, в котором обосновывается важность и актуальность темы исследования, а также дается высокая оценка работе В. В. Калиновского (с. 6-14). Если с первым сложно не согласиться, то второе становится далеко не очевидным после прочтения книги. Кстати, сообщается, что *«труды деятелей Церкви сохранили для нас неоценимую по важности информацию о крымском некрополе...»* (с. 13). Интересно, что имеется в виду?

Нужно сказать, что хронологические рамки работы практически не обоснованы. Автор начинает изложение от создания Херсонской и Таврической епархии

(с. 64) и заканчивает на закрытии монастырей после утверждения власти большевиков (с. 321), но здесь нужны дополнительные аргументы. С одной стороны, несмотря на заявленную нижнюю дату (1837 г.), исследование фактически начинается с рукоположения Херсонского и Таврического епископа Иннокентия в 1848 г. С другой стороны, автор игнорирует то обстоятельство, что и задолго до того были клирики, занимавшиеся изучением памятников христианства в Крыму.

Интерес к прошлому полуострова возникает во второй половине XVIII в. в связи с экспансией России в Северное Причерноморье. Этот интерес стимулировался государством, которое таким образом обосновывало свои права на Крым, становившийся тем самым едва ли не венцом политических устремлений империи [9; 10]. Именно поэтому князь Г. А. Потемкин, бывший главным «двигателем» покорения Крыма, инициировал изучение истории и древностей полуострова с упором на памятники христианства [2, с. 39-46; 7, с. 211-213]. Среди первых исследователей крымских древностей были церковные иерархи. Это не удивительно – они в силу своего положения должны были знать древние языки, то есть могли читать сочинения античных и средневековых авторов в подлиннике (а переводов тогда почти и не было).

Небольшую работу о Крыме написал по поручению Г. А. Потемкина архиепископ Славянский и Херсонский, грек по происхождению Евгений Булгарис [11]. Важную роль на первом этапе изучения Крыма сыграли католические иерархи. Итальянский аббат Гаспар-Луиджи Одерико поднес Екатерине II рукописное описание гонузских памятников Крыма и впоследствии опубликовал его на родине [3, с. 29]. Другую книгу о Крыме презентовал императрице Смоленский епископ Адам-Станислав Нарушевич – ее издали и в польском оригинале, и в русском переводе. Много лет собирал материалы по истории Крыма Могилевский архиепископ Станислав Богуш-Сестрэнцевич. Его труд, напечатанный на французском и русском языках, был очень популярен в первой половине XIX в., в частности, среди путешественников и исследователей Крыма [2, с. 40, 42]. В первой четверти XIX в. среди тех, кто интересовался прошлым полуострова и его «религиозной картой», были протестанты Стевен Греллет и Эбенезер Хендерсон. Оба они оказались в Крыму по миссионерским делам и впоследствии опубликовали записки, рассказывающие, в частности, о прошлом Крыма и о сохранившихся религиозных памятниках [12; 13]. Игнорировать усилия всех этих людей, конечно, можно, но лучше было бы оговориться, что в монографии речь идет только о православных служителях Таврической епархии, кратко рассказав во введении о заслугах их предшественников, в том числе представителей других конфессий.

В главе 1 монографии рассмотрена историография вопроса (с. 19-45). Правда, не вполне ясны критерии, по которым отобраны проанализированные публикации. Так, среди них встречаются работы по истории науки, не имеющие отношения к Крыму, но зато нет крымоведческих исследований, выполненных зарубежными авторами, да и вообще работы на иностранных языках в монографии не фигурируют. О причинах можно лишь догадываться, но вряд ли это можно отнести к достоинствам книги.

Так, например, ряд вопросов, совпадающих с темой рецензируемого исследования, недавно изучала североамериканская исследовательница М. Козелски [14; 15]. Отметим и немецкое издание книги А. И. Романчук, первая глава которой посвящена истории исследования Херсонеса [16, S. 7-38].

В главе 2 описаны использованные автором источники (с. 48-61). Это разного рода официальные документы, материалы делопроизводства, переписка между учреждениями и частными лицами, статьи в периодической печати, научные и научно-популярные сочинения духовных лиц, хранящиеся в библиотеках и архивах Украины и России. Часть архивных материалов уже опубликована.

В главе 3 рассказывается о деятельности архиепископа Херсонского и Таврического (1848-1857 гг.) Иннокентия и о его проекте по превращению Крымского полуострова в «Русский Афон», связанным с восстановлением прежде существовавших монастырей и основанием новых (с. 64-103). Правда, об изучении Крыма в главе почти ничего не сказано, за исключением краткой информации о раскопках А. С. Уварова в Херсонесе в 1853 г. Приходится признать, что данная глава имеет лишь условное отношение к заявленной теме, причем от авторского взгляда ускользает ряд аспектов – укажем лишь некоторые из них.

Амбициозный план архиепископа Иннокентия не ориентировался на изучение прошлого – напротив, как показала М. Козелски, он был устремлен в будущее, открывая перед Крымом новую перспективу. Учреждая «Крымский Афон», Россия утверждалась в роли покровителя христиан, в том числе живших на территории Османской империи. Крым становился примером нового типа взаимоотношений между церковью и государством. Полуостров окончательно превращался из исламского в христианский. Переселившиеся в Крым многочисленные эмигранты с Балкан обретали свое место в структуре империи, а представители разных православных народов получали возможность к интеграции вокруг общих ценностей [15, p. 62-88].

Что же касается памятников древнего христианства, они в результате обрели новую реальность, причем как виртуальную, так и физическую. Например, учреждение Кизилташского монастыря близ Судака материализовало легенду о том, что некогда на этом месте стояла резиденция св. Стефана Сурожского. Это реальное историческое лицо, местный епископ во второй половине VIII в., но никаких связанных с ним построек на месте нынешнего Кизилташа не известно ни по письменным, ни по археологическим источникам [17, с. 146-149]. «Воссоздание» же обители в Инкермане как бы «легитимировало» представление о том, что в эти места в конце I – начале II вв. был сослан св. Климент – представление, которое полностью отвергает современная наука. Возникновение многочисленных пещерных церквей в инкерманских скалах, в том числе и тех, что вошли в состав нового монастыря, относится приблизительно к XI-XV вв. [18, с. 7-30]. Менялся и физический облик древних храмов. Так, «реставрация» Успенского монастыря в Бахчисарае фактически уничтожила древнюю монастырскую церковь. Пострадал от строителей XIX в. и инкерманский храм св. Мартина [18, с. 8, 91]. Складывалась парадоксальная ситу-

ация, когда вопреки призывам архиепископа Иннокентия сохранять памятники христианской старины, его собственная деятельность способствовала их разрушению.

Можно констатировать, что нежелание использовать данные археологии и средневековой истории крайне ограничивает возможности исследования. Так, рассказывая о монастырях, которые планировалось «восстановить» (а по сути дела – создать заново), автор рецензируемой монографии не пытается осветить древнюю историю этих памятников, сопоставить церковное предание с историческими фактами, как делали его предшественники [17, с. 101-141; 15, р. 105-122]. Деятельность архиепископа Иннокентия следует рассматривать в контексте церковной политики и развития науки. Потому сюжет о поиске места крещения русского князя Владимира (с. 81-83) обогатили бы сведения о том, как по-разному представляли себе его путешественники и исследователи конца XVIII – первой половины XIX вв. [19; 20]. А в рассказе о раскопках А. С. Уварова в Херсонесе (с. 86-88) стоило бы уточнить, где находилась открытая им церковь, как она датируется и что, по современным представлениям, крещение Владимира произошло именно в этой базилике [21, с. 101-103].

Глава 4, вероятно, призвана обозначить роль Херсонесского монастыря как центра археологических исследований на городище. Так, в разделе 4.1 рассказывается о раскопках, которые вели монахи в 1857-1874 гг. (с. 106-126). Из текста непонятно, были ли их работы хоть сколько-нибудь научнообразными (хотя бы по меркам своего времени), или же просто перекапыванием земли в поисках древних вещей. Неясно, что конкретно было найдено: приводится общий список части артефактов, отправленных на Политехническую выставку в Москву в 1872 г., а потом оставшихся в Историческом музее, но нет ни сведений о том, хранятся ли они в ГИМ до сих пор, ни попыток конкретизировать, что это были за вещи (с. 119-123). Остается открытым вопрос, насколько деятельность братии можно назвать «охранной памятников», как поступает автор (с. 126). Ничего не говорится о дальнейшей судьбе монастырского музея.

Рассказывая о строительстве современного Владимирского собора в Херсонесе, исследователь называет достижением настоятеля монастыря то, что в новом соборе были сохранены остатки находившейся на его месте византийской церкви (с. 110, 126). При этом умалчивается, что строительство собора разрушило часть комплексов главной площади древнего Херсонеса, сделав невозможным археологические исследования. Далее автор, правда, со ссылкой на Н. Н. Мурзакевича, сообщает, что фасад нового собора строился по образцу константинопольской церкви Свв. Сергия и Вакха, ныне мечети Кючук-Айя-София (с. 110). То, что это сопоставление – историографическая фикция, ясно даже из опубликованных на соседней странице фотографий херсонесского и стамбульского храмов – они совсем разные (с. 111). Вероятно, изменения в проект были внесены в процессе строительства, занявшего два десятилетия [см.: 22, с. 54].

В разделе 4.2 рассматривается участие монастыря в раскопках под руководством Одесского общества истории и древностей в 1876-1887 гг. (с. 127-156). Говорится,

главным образом, об организации и финансировании работ, результаты которых автор оценивает по материалам прессы того времени (с. 154-156), не задумываясь о том, где конкретно велись раскопки, фиксировались ли они на планах и чертежах, какова судьба находок и пр. Отметим, что взгляд на происходившее «со стороны Одесского общества» был проанализирован А. В. Шаманаевым [23, с. 299-305], но эта публикация в монографии не использована.

В разделе 4.3 разбираются взаимоотношения монастыря и Императорской археологической комиссии при раскопках в Херсонесе в конце XIX – начале XX вв. (с. 157-224). К сожалению, при всем обилии приведенных материалов из раздела не вполне понятно, какую пользу монахи принесли для изучения и сохранения Херсонеса, но зато возникает картина бесконечных склок между клириками и светскими раскопщиками, и частично – разных светских органов между собой, вот только неясно, какое отношение все это имеет к заявленной теме монографии.

Отметим следующее обстоятельство: автор ссылается на архивные документы, забыв упомянуть, что некоторые из них прежде публиковались и становились предметом изучения. Так, например, обращение П. С. Уваровой к Александру III о необходимости принять срочные меры для спасения херсонесского городища (с. 157-158) приводится в монографии А. И. Романчук [4, с. 54-58]. Комплекс источников, возникший в результате отстранения монастыря от раскопок в Херсонесе (с. 157-163), рассмотрен, а соответствующие документы опубликованы А. В. Шаманаевым [24]. Опубликован и «Согласительный акт» между настоятелем монастыря и заведующим раскопками (с. 176-180), причем издатель проанализировал проблему с вниманием к историографии [25], которую В. В. Калиновский проигнорировал. Не будем увеличивать число примеров, чтобы не раздувать объем рецензии.

Как отметил А. В. Шаманаев [25, с. 305-306], многие проблемы взаимоотношений между светскими археологами и херсонесским монастырем были вызваны несовершенством законодательства, связанного с изучением и сохранением памятников археологии. Это позволяет отметить и другой момент: рецензируемая монография рассматривает «церковное краеведение» Крыма вне контекста эпохи, включавшего не только юридические моменты, но и вообще развитие археологии, которая в течение XIX – начала XX вв. постепенно превращалась в научную дисциплину в современном понимании. Именно внимание к историческому контексту могло бы вывести исследование на совершенно иной уровень.

Хорошим примером авторского подхода является рассказ об островке в Казачьей бухте на территории современного Севастополя. Сообщается, что «согласно некоторым данным» там был убит св. Климент, и, кроме того, на островке находились остатки каких-то древних построек, что и сделало его объектом интереса археологов и священников. Далее рассказывается о неудачных попытках приобретения островка у частного владельца (с. 219-223). Сравним эту информацию с работами А. В. Шаманаева на ту же тему. В них говорится, что развалины построек на островке были известны с конца XVIII в., приводятся сведения об истории изучения памят-

ника, рассказывается о прежних контактах духовенства и государства относительно островка и сделанных там находок, а также о возникновении легенды о гибели св. Климента в Крыму, недостоверной с точки зрения нынешней науки, и лишь на этом фоне рассматривается история с неудачной покупкой [26; 27]. Иначе говоря, читатель получает цельную и ясную картину происходящего, так что разница и в подходе, и в уровне исследований, кажется, очевидна.

Глава 5 рассматривает усилия крымского духовенства, направленные на изучение, сохранение и популяризацию крымских древностей. В разделе 5.1 говорится о мероприятиях, предпринятых во второй половине XIX – начале XX вв. под эгидой Таврической епархии (с. 226-278). К ним относятся популярные публикации в виде отдельных изданий и на страницах прессы, прежде всего епархиального вестника, издание путеводителей по монастырям и художественных открыток. Руководство епархии периодически издавало инструкции о недопущении разорения памятников. Сюда же автор относит деятельность по увековечиванию памяти Крымской войны путем сооружения храмов и часовен, изучение новой истории епархии, а также организацию экскурсий по «святым местам». В числе последних – крестный ход симферопольского общества трезвости в Успенский монастырь (с. 276), который, очевидно, способствовал сохранению и популяризации памятника.

Иногда автора подводит небрежность в формулировках. Так, сообщается, что в 1872 г. «появилось первое обобщающее исследование, посвященное непосредственно Крымскому полуострову» (с. 237). Автор, очевидно, забыл о трудах И.-Э. Тунманна (1774 г.), П.-С. Палласа (1792, 1799, 1801 гг.) и Ж. де Рейи (1806 г.), не говоря уже об их последователях.

Достаточно характерен эпизод, когда не без пафоса рассказывается о «восстановлении» некоего пещерного храма в Инкермане – в честь сражения Крымской войны (с. 266-268). При этом не указывается, что это была за церковь, и никак не отмечен тот факт, что заброшенный храм византийской эпохи превратили в памятник, посвященный битве XIX в. Читателю предлагается самому догадаться, что речь идет о «монастыре св. Софии», что на левом берегу р. Черной, у железной дороги и шоссе, изначальному облику которого был нанесен огромный ущерб в результате церковной «реставрации» XIX в. [18, с. 22]. Рассказывая о строительстве новой церкви на вершине Монастырской скалы в Инкермане, поблизости от стен древней крепости Каламита, автор умалчивает о его дальнейшей судьбе (с. 261-264). В этом проявляется характерная узость исторического взгляда, охватывающего лишь узкий период в существовании того или иного памятника, несколько лет (или десятилетий) в XIX – начале XX вв., но лишаящего его прошлого и будущего.

В разделе 5.2 повествуется об участии таврических священнослужителей в органах по изучению Крыма – Одесском обществе истории и древностей и Таврической ученой архивной комиссии (с. 279-307). Раздел весьма информативен, но и тут не обошлось без курьеза. Во-первых, рассказывая о научной работе А. В. Иванова, исследователь называет его автором заметки «К вопросу о каменных бабах в Крыму»

(с. 288). Очевидно, В. В. Калиновский видел лишь оглавление сборника, в которое вкралась ошибка. В титуле самой заметки слова «в Крыму» отсутствуют. Это и не удивительно, учитывая, что речь в ней идет о Бердянском уезде, то есть о территории нынешней Донецкой области [28]. Во-вторых, автор монографии сообщает, что «каменные бабы» (статуи, установленные на курганах в причерноморской степи) – это «памятники сарматской древности», хотя в реальности они относятся к половецкой культуре и моложе, по меньшей мере, на тысячелетие.

В разделе 5.3 описано создание Церковно-археологического общества Таврической епархии, просуществовавшего всего несколько лет (с. 308-322). Фактически, раздел сводится к пересказу официальной стенограммы создания общества и его устава, а наполнились ли благие намерения реальным содержанием – понять невозможно.

В книге очень много иллюстраций – в основном это портреты «действующих лиц», а также изображения разных уголков Крыма на открытках и photographиях XIX – начала XX вв. Некоторые из них не имеют прямого отношения к теме монографии. Таковы, например, фотографии музея обороны Севастополя (ныне – Черноморского флота), памятника П. С. Нахимову, Братского кладбища, Владимирского собора и Панорамы в Севастополе (с. 273-276), Александро-Невского собора и памятника В. М. Долгорукову в Симферополе (с. 287, 289), Покровской церкви в Судакe (с. 293) и т. п. Вместо них имело бы смысл поместить фотографии и планы археологических памятников, без которых читателю сложно разобраться в описаниях. Так, например, в книге не раз говорится о монастырской ограде, мешавшей раскопкам в Херсонесе (с. 173-174, 196, 198, 202, 204). Было бы логичным привести план городища с указанием этой стены и раскопов. Хорошим примером использования планов и чертежей в исследовании по истории науки является статья А. В. Шаманаева и А. Е. Мусина [29].

Монография оставляет больше вопросов, чем дает ответов. И дело даже не в фактических ошибках или отсутствии ссылок на работы коллег. Проблема шире: сложно заниматься историей науки, игнорируя саму науку, в нашем случае – археологию. Обильные цитаты из документов скрывают от читателя сами памятники. Когда и кем они были созданы? Каковы были представления о них в исследуемый период, и, следовательно, насколько уровень знаний деятелей церкви соответствовал тому, что было известно светским археологам того времени? Какие конкретно церкви и кварталы исследовали херсонесские монахи? Что сохранилось из их находок? Делали ли они чертежи и рисунки раскопок и вещей? Какие представления о прошлом и конкретных памятниках формировались в обществе благодаря деятельности священнослужителей? Насколько они отражали объективную реальность? Какова роль в интеллектуальном творчестве государственной и церковной пропаганды?

Хорошим примером того, как исследование христианских древностей Херсонеса, в том числе при участии деятелей церкви, ставится в контекст развития русской науки XIX в., является уже цитированная статья И. В. Тункиной [19]. Об идеологи-

ческих мотивах, возникающих при исследовании христианских древностей Крыма, пишет М. Козелски [15]. Характерно, что обе работы В. В. Калиновскому не знакомы. Но и автор прекрасно известного ему исследования о крымских монастырях в XIX – начале XX вв. В. Г. Тур в начале делает экскурс «вглубь веков», обращаясь к византийским корням местного монашества и его истории в османский период, а в дальнейшем не раз возвращается к средневековому прошлому той или иной обители, которая позволяет лучше понять значение происходившего с ней в российскую эпоху [17, с. 9 слл., 87 слл., 117 слл., 132 слл., 142 слл.].

Если же говорить о влиянии православной церкви на изучение прошлого, нельзя избежать обсуждения новых мифов, возникавших и укоренявшихся в общественном сознании в результате деятельности клира. Речь идет, прежде всего, о попытках отнестись к утверждению христианства в Крыму к глубокой древности. Отсюда популяризация легенд о пребывании на полуострове апостола Андрея и св. Климента, отсюда и виртуальное удревление Успенского и Георгиевского монастырей. Выдающийся ученый А. Л. Бертье-Делагард на примере Георгиевского монастыря показал, как возникают подобные сюжеты, не имевшие отношения к действительной истории памятника [30]. Эта сторона проблемы требует глубокого и всестороннего исследования в масштабах всего Крыма, которое могло бы значительно обогатить рецензируемую монографию.

Если же вернуться к теме, заявленной во введении – о роли церкви в изучении и охране памятников Крыма, то, вопреки мнению В. В. Калиновского, опубликованные им материалы вряд ли позволяют дать положительную оценку действиям православного духовенства по изучению и охране памятников Крыма. Собственно, само выражение «памятникоохранная деятельность» в этом контексте звучит иронически, учитывая, например, ущерб, нанесенный византийским сооружениям в результате неумелой «реставрации» монастырей и церквей, или же разрушенные хозяйственной деятельностью и современным строительством участки городища Херсонеса. Возможно, дело обстояло совсем не так, но рецензируемая книга, несмотря на желание автора позитивно оценить вклад церкви, фактически предоставляет материалы для противоположного вывода. Пока, к сожалению, приходится согласиться с мнением, высказанным другим исследователем, признавшим действия церкви по охране древних памятников несостоятельными и ненаучными [31, с. 105].

Недавно появилась хвалебная рецензия на монографию В. В. Калиновского [32]. В ней, в частности, констатируется, что эта книга *«отвечает всем требованиям, которые выдвигаются к современным научным исследованиям. Она отличается скрупулезностью подхода к изучению проблемы»* [32, с. 129]. Согласиться с этой оценкой невозможно по изложенным выше причинам – многочисленные недостатки, ошибки и пробелы в исследовании говорят об обратном. Рецензируемое издание – это подборка сведений о жизни и деятельности крымских священнослужителей, а также светских археологов, не всегда связанных с заявленной темой. Пожалуй, самое ценное в нем – это опубликованные впервые и переизданные документы и матери-

лы. Кроме того, книга, наверное, будет интересна непрофессиональному читателю, интересующемуся историей крымской православной церкви XIX – начала XX вв. Однако задача, задекларированная автором, вряд ли может считаться выполненной.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Формозов А. А.* Пушкин и древности: Наблюдения археолога. 2-е изд. М., 2000.
2. *Тункина И. В.* Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.). СПб., 2002.
3. *Тункина И. В.* Открытие Феодосии. Страницы археологического изучения Юго-Восточного Крыма и начальные этапы истории Феодосийского музея древностей. 1771-1871. Киев, 2011.
4. *Романчук А. И.* Исследования Херсонеса-Херсона. Раскопки. Гипотезы. Проблемы. Т. 1. Античный полис. Тюмень, 2008.
5. *Романчук А. И.* Исследования Херсонеса-Херсона. Раскопки. Гипотезы. Проблемы. Т. 2. Византийский город. Тюмень, 2008.
6. *Зубарь В. М.* Летопись археологических исследований Херсонеса-Херсона и его округа (1914-2005 гг.) // МАИЭТ. 2009. Suppl. 6.
7. *Смирнов А. С.* Власть и организация археологической науки в Российской империи (очерки институциональной истории науки XIX – начала XX вв.). М., 2011.
8. *Виноградов Ю. А.* Страницы истории боспорской археологии. Эпоха Императорской археологической комиссии (1859-1917) // Боспорские исследования. 2012. Вып. XXVII.
9. *Зорин А. Л.* Крым в истории русского самосознания // Новое литературное обозрение. 1998. № 31.
10. *Гончарова О. М.* Крым как Византия (вторая половина XVIII века) // Крымский текст в русской культуре. СПб., 2008.
11. *Βούλγαρης Ε.* Εκθεσις της Ταυρικῆς Χερσονήσου ἤτοι της λεγομένης Μικρᾶς Ταταρίας. Ἐκδοσις ἀπὸ τοῦ ἀυτῶραφο κώδικα Mscr. Dresd. DA 54 καὶ ἐπίμετρο Ἰλα Χατζηπαναγιώτη. Αθήνα, 2008.
12. *Храпунов Н. И.* Путешествие по Крыму Стивена Греллета // МАИЭТ. 2009. Вып. XV.
13. *Henderson E.* Biblical Researches and Travels in Russia... London, 1826.
14. *Kozelsky M.* Ruins into Relics: The Monument to St. Vladimir on the Excavations of Chersonesos, 1827-1857 // Russian Review. 2004. Vol. 63. No. 4.
15. *Kozelsky M.* Christianizing Crimea: Shaping Sacred Space in the Russian Empire and Beyond. DeKalb, 2010.
16. *Romančuk A. I.* Studien zur Geschichte und Archäologie des byzantinischen Cherson // Colloquia pontica. Leiden; Boston, 2005. Vol. 11.
17. *Тур В. Г.* Православные монастыри Крыма в XIX – начале XX вв. 2-е изд. Киев, 2006.
18. *Могаричев Ю. М.* Пещерные церкви Гаврики. Симферополь, 1997.
19. *Тункина И. В.* К истории изучения Херсонеса-Корсуня в конце XVIII – середине XIX вв. (Охрана руин Херсонеса и проекты возведения памятника на месте крещения князя Владимира) // Москва – Крым. 2001. № 3.
20. *Храпунов Н. И.* Херсонес в описаниях европейских путешественников конца XVIII – начала XIX вв. // МАИЭТ. 2011. Вып. XVII.
21. *Крымский Херсонес. Город, хора, музей и окрестности.* Остин; Севастополь, 2003.

22. *Веникеев Е. В.* Севастополь и его окрестности. М., 1986.
23. *Шаманаев А. В.* Охранные работы Одесского общества истории и древностей на Херсонесском городище (40-80-е гг. XIX в.) // АДСВ. 2005. Вып. 36.
24. *Шаманаев А. В.* Отстранение монастыря св. Владимира от участия в раскопках Херсонесского городища: документы ГАГС 1887 г. // Документ. Архив. История. Современность. 2009. Вып. 10.
25. *Шаманаев А. В.* Раскопки Херсонеса и монастырь св. Владимира: компромисс интересов (на примере Согласительного акта 1896 г.) // Документ. Архив. История. Современность. 2008. Вып. 9.
26. *Шаманаев А. В.* Нереализованный проект: монастырь Св. Владимира в Херсонесе и археологический памятник на острове в Казачьей бухте // Документ. Архив. История. Современность. 2011. Вып. 12.
27. *Шаманаев А. В.* Культовый средневековый комплекс в Казачьей бухте и монастырь Св. Владимира в Херсонесе: проблемы сохранения реликвии // *Sacrum et profanum*. 2012. Вып. V.
28. *Иванов А.* К вопросу о каменных бабах // ИТУАК. 1888. № 6.
29. *Шаманаев А. В., Мусин А. Е.* Исследования Херсонеса и Императорская археологическая комиссия в 1860 г. // Археологические вести. 2010. № 16.
30. *Бертъе-Делагард А. Л.* К истории христианства в Крыму // ЗООИД. 1910. Т. XXVIII.
31. *Шаманаев А. В.* Охрана археологических памятников Крыма в XIX – начале XX вв.: позиция Русской Православной Церкви // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2012. № 3.
32. *Кутайсов В. А.* Содержательное исследование по церковному крымоведению // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». 2012. Т. 25(64). № 2.